

НЕДАВНО кинематографисты и просто любители кино отметили семидесятилетие кинорежиссера Юлия Яковлевича Райзмана. Труд этого большого мастера, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий был отмечен еще одной высокой правительственной наградой — званием Героя Социалистического Труда. Райзман внес в советское искусство существенный вклад. Историю кино у нас невозможно представить без фильмов этого режиссера — без «Летчиков» и «Машеньки», «Коммуниста» и «Твоего современника».

Юлия Яковлевича Райзмана я стала за письменным столом.

— С Евгением Габриловичем мы приступили к работе над новым сценарием, — объяснил он.

— С чего начинается для вас каждый новый фильм? Со сценария?

— С идеи. Но идея должна быть плодотворной. То есть, блеснув, задев меня, она должна, словно хороший ковш, почерпнуть из глубины и обязательно захватить проблему. Вот мы задумали сейчас сделать фильм о современной женщине, о свободной, эмансипированной и, деловой женщине. Мы хотим разобраться, как время переделало женщину, что она приобрела и что потеряла.

— А жанр, как он выбирается?

— Мне кажется, можно снимать фильмы любого жанра, исторические и современные, масштабные и камерные, но они не станут художественными произведениями, если в основе не будет лежать какая-то нравственная проблема, способная взволновать каждого зрителя, пришедшего в зал. Можно снимать всего двух-трех героев в домашней обстановке, но поднять, осветить серьезнейшую общечеловеческую проблему. А можно охватить великие масштабы и привлечь для съемок богатейшие массовки — и ничего важного не сказать зрителю.

— Значит, обдумав проблему, вы идете к поиску героя, его характера, как в «Коммунисте»?

— В то время, когда мы задумывали историю Василия Губанова, у нас появилась идея показать рядового бойца революции, героическую фигуру на маленьком посту. Стали искать ему этот пост. Решили сделать его кладовщиком. Гвозди, селедка, олифа — вот его поле боя в период разрухи и первых шагов социалистического строительства. Фильм, кстати, так и назывался в первом варианте — «Кладовщик».

— Юлий Яковлевич, ваши картины производят впечатление легко и быстро снятых, критики всегда отмечают их простоту и лаконичность. Однако это, наверное, не значит, что вам действительно легко и просто работается. Я где-то прочла, что на вас очень обижался такой отличный писатель, как Бабель. Он для вас по многу раз переписывал диалоги к фильму. Вы очень тяжелый заказчик, говорил Бабель.

— Оценки всегда несут в себе категоричность: сложно — просто, трудно — легко. Могут лишь сказать, что для меня, как режиссера, существуют два важнейших этапа в работе. Первый — это работа над сценарием. Нужно довести сценарий до предельной завершенности,

абсолютной точности. Я не сторонник мнения, что площадка «все вытянет», «сгладит», «довеет до кондиции». Та достоверность, какой мы добиваемся в фильме, проистекает только благодаря кропотливейшей работе над каждой деталью, фразой, словом еще в сценарии.

— А второй этап?

— Это — актер, выбор актера. Мне кажется, еще работая над сценарием, я начинаю работу с актером.

хватает. Помню, привели на пробу Евгения Урбанского, тогда еще студента, никогда прежде не видевшего кинокамеры. Он трудно, скованно начинал съемку, был словно зажат в тиски. Но помню я, что и Щукина — такого опытного, великодушного и искусного актера — тоже впервые испугала камера. Он точно так же скованно сидел перед аппаратом, поворачивался всем корпусом, чтобы сказать фразу. Мне помогает не ошибиться в актерской индивидуальности мой преподавательский опыт. Впрочем, если хотите знать мое мнение, то чем у актера менее выражена индивидуальность, — я имею в виду, конечно, не внутренний мир, а лишь чисто актерские данные, — тем шире мо-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Юлий РАЙЗМАН:

«СЧАСТЬЕ—КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ»

— Вам, Юлий Яковлевич, принадлежит заслуга открытия для кино многих новых актерских имен: Бориса Щукина, впервые снявшегося в кино у вас в «Летчиках», Валентины Караваевой в «Машеньке», Евгения Урбанского в «Коммунисте», Игоря Владимировича в картине «Твой современник». И еще известно, что вы не приглашаете дважды одного и того же актера. Это ваш принцип?

— Пожалуй, принцип. Если бы я был театральным режиссером, то состав труппы, репертуар не позволили бы мне столь свободно выбирать актеров. А кинематограф, его природа, максимальная приближенность к жизни как раз требуют непостоянности. Если я стану переносить актера из фильма в фильм, мне будет мешать чувство зависимости: зритель, который должен погрузиться в мир героя, увлечен проблемами жизни, будет отвлечен от этого знакомым именем актера, будет следить лишь за его искусством игры. Но, с другой стороны, обрекаю себя на трудности, ибо с опытным актером, знающим технику киносъемки, мы легче преодолеем все сложности живания в образ. С неопытными — рискуешь, но успех, приходящий в итоге, оправдывает все старания.

— Как вы строите свою работу с актерами?

— Единого метода работы с актерами, видимо, нет, всякий раз все складывается по-своему. Есть актеры импровизационного склада, легко схватывающие верный тон, легко перестраивающиеся. С ними быстро продвигается дело. А есть актеры покорные, ждущие подсказки режиссера, многих репетиций. Зато когда они войдут в образ, почувствуют характер, тогда с ними можно спокойно пускаться в плавание. Впрочем, неожиданностей всегда

будет быть поле его творчества. Яркая выраженная индивидуальность суживает это поле.

— Юлий Яковлевич, человеческая натура устроена так, что нам всегда хочется верить в удачу. Как вы относитесь к своим неудачам?

— Я отношусь к типу людей-самоедов. Кто-то из моих молодых коллег сказал, что я, как ему показалось, не знаю сомнений. Нет, напротив, и в мелочах, в процессе работы, и в конце, когда картина готова, мне нередко кажется, что все плохо, не вышло, не получилось. Я тем более болезненно отношусь к собственной неудаче, ибо каждый мой фильм я связываю с какой-то дорогой для меня, выношенной идеей, проблемой, которую, как мне кажется, нужно высветить искусством. Не удался фильм, значит, не удалась эта мысль, эта идея. В последней картине «Визит вежливости» мой герой говорит так: Я писал свою пьесу, потому что думал, что скажу людям что-то очень важное, после чего они станут жить по-другому. Он говорил это с легкой иронией, а вот мне без всякой иронии хочется сказать — это и есть задача художника. Мне всегда хотелось каждым своим фильмом сказать что-то очень важное людям. И если я вижу, что понял людьми, что они услышали мой голос, — вот тогда я чувствую удачу.

— Можно все же узнать хоть что-нибудь о вашей новой работе? Найдена ли уже исполнительница главной роли?

— Нет, пока нет. Буду искать. Может быть, снова удастся найти талант там, где никто не находил. А может быть, приглашу на этот раз известную актрису. Ведь иногда полезно и отступать от собственных правил...

Беседу вел
С. СИЛЬВЕСТРОВ.